

Глава 4

Напротив рыбных рядов раскинулся овощной рынок.

Там среди прочих торговцев держал лавку некто по фамилии Лю из деревни Эрли. Человек он был справный, торговал овощами с собственных огородов, и дела его шли в гору. Тао Цинъюй, сделав вид, будто выбирает зелень к обеду, неспешно приблизился к его прилавку.

— О, дорогой гость! — Лю Чаншэн расплылся в улыбке. — Взгляните-ка, только утром с грядки срезал. Хозяин Сяо Юй, не желаете ли пучок мальвы?

Цинъюй на миг замер. Он и позабыл, что в уезде Миншуй его лицо примелькалось едва ли не каждому встречному. Впрочем, это было даже на руку. Ничуть не смутившись, юноша принялся придирчиво осматривать товар.

— Зелень и впрямь нежная, — проговорил он как бы невзначай. — Слышал я, в вашей деревне Эрли овощи знатные растут. Говорят, особенно хорош урожай у Вань Шанья — он ведь у вас первый садовод на селе?

— Ха! — Лю Чаншэн так и подпрыгнул, уставившись на него с нескрываемым изумлением. — Юй-гээр, где же вы таких небылиц наслушались?

Собеседник, сохраняя самое серьезное выражение лица, уверенно кивнул:

— Как где? Родня дальняя сказывала. Будто Вань Шанья тот — парень хоть куда, и статью, и лицом вышел, да и в деле первый.

Торговец, услышав такое, сначала лишился дара речи, а после и вовсе запрокинул голову, разразившись громким хохотом.

— Да быть того не может! — выдохнул он сквозь смех. — Обманули вас, Юй-гээр, как есть обманули. Я ведь сам из Эрли. В нашей деревне лучшие овощи у моих родичей, у Лю. А Вань Шанья? Пф! Да это же первый бездельник и смутьян! Вечно околачивается невесть где, а не так давно и вовсе в уездной темнице ошивался.

Юноша захлопал ресницами, глядя на него своими большими, по-детски наивными глазами.

— Да неужто родня станет мне так бесовестно лгать?

С этими словами Цинъюй протянул торговцу выбранный пучок мальвы. Лю Чаншэн ловко перевязал зелень соломинкой, но в голове его вдруг что-то щелкнуло. Он внимательно оглядел юношу.

«А ведь точно, Юй-гээр-то еще не пристроен. Уж не этот ли проходимец нацелился на дитя из доброй семьи? Вполне в его духе — зариться на то, что ему не чета»

Лю Чаншэн опасливо огляделся по сторонам и, убедившись, что лишних ушей поблизости нет, поманил Цинъюя пальцем. Тот послушно склонился к нему.

— Послушай, — прошептал торговец, — ты парень дельный, не раз мне по доброте душевной рыбу дешевле отдавал. Скажу тебе по секрету, только между нами...

— Я слушаю, — так же тихо отозвался Цинъюй.

— Сдается мне, твоя родня попросту хочет сбыть тебя в дом Вань.

— Что?!

— Тсс! Тише ты, не ори на весь рынок!

Лю Чаншэн еще сильнее понизил голос:

— Мой тебе совет: гони в шею таких родственников. Если они тебе этого Шанья нахваливают, значит, затеяли недоброе. Никакой он не завидный жених! Харя у него — точно у разжиревшего толстолобика, да к тому же горький пропойца. А как выпьет, так за кулаки берется — ни отца, ни мать не жалеет. Я сколько раз мимо их двора проходил, так сердце в пятки уходило от криков, что из дома неслись.

Торговец даже поежился, словно от холода.

— От таких людей бежать надо, а не в родичи набиваться! Да и родители его под стать сынку — такие пройдохи, каких свет не видывал. С кем свяжутся, того до нитки оберут. Да что там чужие — он собственных дядьев так поборами допек, что те, завидев его на пороге, двери на все засовы запирают.

Цинъюй зябко передернул плечами, делая вид, будто не на шутку напуган, но длинные ресницы скрыли холодный, колючий блеск в его глазах.

«Значит, вот он какой, этот "лучший из лучших"... Сваха Цай и впрямь была мастерицей пускать пыль в глаза»

Юноша достал монеты и, расплатившись, заговорил с нарочитой тревогой:

— Спасибо, дядюшка Лю, что глаза открыли. Вот прямо сейчас побегу к батюшке, пусть он эту

нахлебницу-родственницу из дома поганой метлой выставит! Хлеб наш ест, а сама беду на порог кличет. Не нужно нам такого родства.

— Иди-иди, — закивал торговец, — да поскорее, пока в яму эту не угодил.

Глядя вслед удаляющемуся юноше, Лю Чаншэн еще долго ворчал себе под нос:

— И ведь надо же быть такой бесстыжей... Совсем парня сгубить хотела.

Вернувшись к своему прилавку, Цинъюй положил овощи на телегу. Тао Далан, завидев пучок мальвы, недовольно нахмурил густые брови:

— Дома ведь этого добра навалом, зачем деньги зря тратить? Узнает папа — ох и достанется тебе.

Юноша мельком глянул на кадки — рыбы осталось всего ничего.

— Скажем, что хорошие люди угостили.

Отец, который души не чаял в сыне, лишь покорно вздохнул:

— Ладно, сам тогда оправдывайся. Я-то врать не мастак, сразу выдам.

— Батюшка...

— М?

— Расспросил я тут про семью Вань. Скверные люди. Старики — лежебоки и пройдохи, а сынок их — последний пропойца и дебошир. Не бывать этой свадьбе.

Глаза Тао Далана вмиг округлились, он стал похож на разъяренного медведя. Однако, вспомнив о сыне, он лишь тяжело опустил свою пудовую ладонь ему на макушку:

— Ну вот куда ты полез? Папа же велел тебе не соваться в это дело. Мы бы сами всё разузнали.

— Так ведь сердце не на месте было, — примирительно отозвался Цинъюй.

— У твоего папы оно тоже не железное. Собирайся, домой едем.

Тао Синъюн решил, что если и теперь сможет усидеть на месте, то перестанет себя уважать.

— Так ведь рыба еще осталась.

— К черту рыбу! Завтра доторгуем.

Не успели отец с сыном начать сборы, как на прилавок легла густая тень.

— Что это вы, — раздался громкий женский голос, — рыба еще есть, а вы уже уходить надумали?

Юноша переглянулся с отцом. Монеты сами шли в руки, и отказываться от них было бы верхом неблагоразумия. Он тут же расплылся в профессиональной улыбке:

— Осталось всего несколько хвостов, тетушка. Не желаете ли выбрать?

— Давай самую крупную.

Цинъюй ловко взвесил улов. Тао Далан уже собирался разделать рыбку, как вдруг женщина с довольным видом подхватила сверток. Видя, что она собралась уходить, не расплатившись, юноша окликнул её:

— Тетушка, вы про деньги забыли!

Женщина обернулась и, хлопнув себя по бедрам, залилась издевательским смехом:

— Какая такая тетушка? Мы же теперь без пяти минут родня!

Цинъюй вопросительно взглянул на отца: «Какое еще родство?»

Тот лишь пожал плечами — он и сам видел эту бабу впервые.

— Глупые вы, — продолжала та, — я ведь Вань Ланьхуа, родная тетка Вань Шанья из Эрли. Так что ты, Юй-гээр... то есть племянничек, привыкай к новой родне.

Лица Тао Далана и его сына мгновенно посуровели. Отец медленно поднялся во весь свой огромный рост. Его могучая фигура и играющие под кожей мускулы внушали невольный трепет. Ланьхуа осеклась, улыбка сползла с её лица, и она, едва сдерживая дрожь, пролепетала:

— Чего это вы... Сваха-то уже была у вас. Скоро сватами станем, неужто родной тетке рыбину пожалеете?

— Твоими... Тьфу тебе в лицо с твоим сватовством! — взревел Тао Далан. — Мой гээр скорее в монастырь уйдет, чем в ваш гадюшник попадет! Какая еще сваха? Не видел я никаких свех!

«Ай да бабушка!» — Цинъюй мысленно показал отцу большой палец.

Видя, что дело принимает дурной оборот, Вань Ланьхуа растеряла всю свою спесь. Она швырнула рыбу на землю и крикнула, пятясь назад:

— Скрыги! Ну и подавитесь вы своей рыбой! Не больно-то и хотелось!

Банановый лист лопнул, и нежное мясо упало прямо в дорожную пыль.

— Сгинь с глаз моих! — Тао Далан тяжело дышал от ярости.

На шум подошел Цзоу Фэнчунь. Глядя на кусок рыбы, угодивший ему прямо на сапог, он лишь покачал головой:

— Жаль товар. Теперь разве что кошкам отдать.

Юноша присел рядом с отцом и тихо проговорил:

— Пойдем, бабушка. Пора всё папе рассказать.

— Верно. Пусть папа с этим разбирается.

Тао Синъюн знал свою слабость: в спорах он был тяжеловат на язык, а вот Фан У уж точно нашел бы способ проучить наглецов.

Свежая рыба, смешанная с грязью, выглядела жалко. Несколько десятков монет обратились в ничто.

В этот момент мимо них неспешно процокал ослик. Животное шло ровно, но вдруг резко свернуло в сторону, угодив копытом прямо в лужу грязной воды с рыбьей кровью. Цинъюй не

успел отскочить, и его одежда вмиг покрылась зловонными брызгами. Подняв глаза, он увидел Цзэн Сылана. Тот щурился, глядя на него с притворной усмешкой:

— Ох, простите великодушно. У осла-то глаза высоко, он тех, кто под ногами путается, не видит.

Юноша вдруг улыбнулся. Но в улыбке этой не было тепла.

— Раз так, — произнес он, — не лучше ли будет вовсе выколоть ему глаза?

С этими словами он резко выбросил вперед руку с острой щепкой. Цзэн Сылан, не на шутку перепугавшись, истошно завопил на весь рынок:

— Убивают! Грабят! Помогите!

Прохожие обернулись, но Тао Циньюй уже спокойно опустил руку.

— Трус, — бросил он с презрением. — Это всего лишь обрывок листа.

— Ты!..

— Как ты смеешь трогать нашего Юй-гээр! — взревел Тао Далан. Он перехватил занесенный кнут, намотал его на кулак и с силой дернул на себя.

Раздался глухой удар.

Самодовольный Цзэн Сылан вылетел из седла и приземлился в самую гущу рыночных нечистот. Юноша подошел к нему и посмотрел сверху вниз:

— Надо же, какой нескладный. С осла упал — и прямо в грязь лицом.

Тот, постанывая от боли, попытался подняться.

— Ну... Ну, погодите у меня!

— И чего это мы должны ждать? — фыркнул Циньюй. — Убирайся, образина.

Сылан, не смея больше спорить, вскочил на ноги и, подхватив осла под уздцы, бросился прочь. Толпа начала расходиться. Никто не заметил, как один молодой паренек быстро выскользнул из рядов и скрылся в восточных переулках.

Если и было в уезде Миншуй место, где каждый мечтал обзавестись домом, так это переулок Цзиньфу. Он располагался вдали от рыночного шума, в тихом соседстве с академией Сюаньтун. Паренек добежал до нужных ворот, над которыми склонялись ветви двух старых османтусов, и постучал.

Через мгновение дверь отворилась.

— Хозяин.

Солнечные лучи заливали безупречно чистый двор. Мужчина, стоявший на пороге, обернулся.

— Хозяин, — заговорил парень, переводя дух, — я только что узнал... К семье Тао прислали сваху из деревни Эрли, от семьи Вань.

— Сватовство? — голос мужчины был тихим, почти неуловимым. — Что ж... Видимо, пришло время.

Пока отец с сыном возвращались домой, Вань Ланьхуа, кипя от негодования, уже добралась до деревни Эрли. Не заходя к себе, она напрямик направилась к дому племянника. Еще не переступив порог, она принялась причитать на всю округу:

— Гляньте-ка, племянничек мой дорогой! Твой суженый еще в дом не вошел, а уже родную тетку ни во что не ставит! Как приведешь его, смотри, проучи как следует, чтоб знал свое место!

— Чего разоралась! — из окна раздался тяжелый удар, и следом донесся грубый мужской голос.

— Шанья, деточка, ты только послушай, как меня обидели!

Вань Шанья вернулся под утро из веселого дома и только-только провалился в тяжелый сон, как его разбудили крики тетки. Он был в ярости. Однако, услышав про «суженого», все же проявил интерес.

Шатаясь и обдавая всё вокруг перегаром, он вышел на крыльцо в распахнутом халате. Грузно опустившись в кресло, он закинул ноги на стол.

— Тетка, ты чего в такую рань горло дерешь?

— Так ведь из-за твоего этого... из семьи Тао!

— Из Тао?

— Ну да! Скряги первостатейные. Пришла я к ним на рынок, хотела рыбки попробовать, так они с меня деньги требовать стали! И этот гээр еще надеется в наш дом войти?

Вань Шанья почти ничего не слышал о Цинъюе. Единственное, что его заботило в этот миг, был вопрос:

— А собой-то он как?

Вань Ланьхуа закатила глаза:

— Да чистая лисица, морда смазливая. Смотри в оба, такие первыми гулять начинают.

Шанья потер небритое лицо и гадко ухмыльнулся:

— Смазливая, говоришь... Что ж, это мне по нраву.

<http://bllate.org/book/15858/1437538>